

По сравнению со взрослым медведем медвежонок перед вкусной едой явно не обладал ни малейшей осторожностью. Судя по всему, из-за того что медведица была ранена и уже несколько дней не могла добывать пищу, голодал и её детёныш.

Сначала мать ещё пыталась сдержанным рычанием не подпускать медвежонка к мёду, но после нескольких безуспешных попыток тот всё же не выдержал, схватил соты зубами и, будто играя в прятки, отвернулся, чтобы спокойно поесть. Пара мгновений, и лакомство исчезло в его желудке.

Прошло немного времени, и медвежонок словно опьянел - закачался, затем завалился на бок возле матери и засопел в глубоком сне. В медвежьем сознании, разумеется, не существовало понятия «снадобье», а поскольку малыш наелся досыта и уснул, как часто бывает с медвежатами, медведица не почувствовала подвоха. И только убедившись, что детёныш съел приманку и с ним ничего дурного не случилось, смертельно уставшая и изголодавшаяся медведица, наконец, ослабила бдительность и жадно впиалась зубами в лежащий у морды кусок сот.

Невооружённым глазом было видно, как медведица с усилием попыталась поднять лапу, но тут же бессильно опустила её обратно — очевидно, снадобье уже начало действовать. К счастью, состав, приготовленный Юй Шанчжи, оказался достаточно чистым и эффективным, несколько кусков сотов справились с парой диких зверей. Сейчас медвежонок уже крепко спал, а медведица под действием препарата полностью утратила способность подняться.

Пора действовать.

На всякий случай, когда они подошли ближе, Вэнь Ецай срубил длинную ветку и аккуратно ткнул ей обоих. Медведица лишь злобно скалилась, но не сделала никаких движений. Убедившись, что опасности нет, Вэнь Ецай вытер пот со лба и встал стеной перед Юй Шанчжи, пропуская его вперёд.

Когда тот подошёл ближе и стал внимательно осматривать рану, то понял, что всё куда хуже, чем они предполагали.

Он раздвинул мех вокруг раны, сперва срезал мешающую шерсть, затем без колебаний достал нож. Остриё он предварительно прокалил в пламени, и лишь после этого принялся за дело - вырезал гниющие ткани. Медведица от боли тяжело дышала, дыхание её становилось всё громче, а Даван и Эрван неотрывно следили за каждым её движением, готовые в любую секунду вмешаться.

Юй Шанчжи заметил это и невольно ускорил работу. Вскоре ему удалось полностью очистить поражённый участок. Поскольку ещё дома он предусмотрел возможность столкновения с опасностями в горах, то прихватил не только запас усыпляющего снадобья, но и лучшие из своих ранозаживляющих средств. Это была золотая мазь, тайный рецепт рода Юй, известный лишь немногим. Из-за труднодоступных ингредиентов приготовить её было чрезвычайно сложно, и за последнее время он сумел сделать лишь два маленьких пузырька.

Сейчас же он без сожаления высыпал почти половину содержимого одного пузырька прямо на открытую рану медведицы, затем велел Вэнь Ецаю пойти и поискать поблизости травы, обладающие обеззараживающим и кровоостанавливающим эффектом. Чёрный медведь — зверь огромный, и если попытаться накормить его обычными для человека пилюлями, придётся скормить целую миску.

Когда Вэнь Ецай вернулся с охапкой распространённых лекарственных трав, Юй Шанчжи заметил, что на земле всё ещё остались следы мёда. Тогда он решил не тратить впустую: обмакнул лекарственные растения в липкую сладость. Так они приобретут аромат, который вполне может соблазнить зверя, не отпугнув его вкусом трав. Затем он аккуратно положил травы у самой пасти медведицы, надеясь, что та сама их съест.

Когда с обработкой раны было покончено, Юй Шанчжи знал, действие снадобья уже подходит к концу, и оставаться здесь дольше было бы слишком рискованно. Перед уходом он ещё раз подошёл к медвежонку: осмотрел его и, убедившись, что тот не получил ни единой царапины, наконец успокоился. Помочь раненой медведице было делом вынужденным. Кроме того, ни он, ни Вэнь Ецай не трогали зверей больше необходимого: если человеческий запах останется на их телах, это может сыграть с ними дурную шутку.

— Как думаешь, она понимает, что мы её спасаем? — тихо спросил Вэнь Ецай, вглядываясь в глаза медведицы.

Та не была без сознания, лишь парализована действием лекарства. Её тёмные зрачки неподвижно следили за Юй Шанчжи и Вэнь Ецаем, в глубине которых таились чувства, что человеку было не дано разгадать.

— Может, и понимает, — ответил Юй Шанчжи.

У всего живого есть душа, а сегодняшняя встреча — разве не тоже своего рода предначертанная связь?

Когда они вернулись под куст годжи, оба с запозданием ощутили голод. С самого утра они не присели ни на минуту, и вот, хотя давно миновало время обеда, добрая доля сил уже ушла на то, чтобы помочь раненой медведице.

Присев, они сполоснули руки водой из бурдюка и, не тратя лишних слов, каждый взял по одному маньтоу. Булочки были надрезаны посередине, намазаны соусом и начинены жареным яйцом. Хотя всё уже и остыло, вкус оставался отменным, к тому же в такую жару хлеб не успевал зачерстветь.

Этот способ приготовления придумал сам Юй Шанчжи. На первый взгляд просто и без затей, но жареное яйцо в деревне всё же считается редким лакомством. С тех пор как Вэнь Ецай начал ходить с Юй Шанчжи в горы, он всё чаще ловил себя на мысли, что раньше жил чуть ли не как дикарь. Бывало, что, уйдя в горы без сухого пайка, он, проголодавшись, просто ловил кролика или бамбуковую крысу, тут же разделывал и жарил. Пару раз даже забывал взять с

собой соль, и тогда мясо выходило пресным, совсем безвкусным, но всё равно приходилось глотать как есть.

Молодые супруги сначала хотели ещё немного побродить по горам, но утреннее ясное небо вдруг заволокло тучами, и погода резко переменилась. Вэнь Ецай посмотрел на облака, и выражение его лица стало тревожным.

— Нам надо скорее спускаться. Если по дороге попадём под ливень, тропа станет совсем непроходимой.

В разгар лета погода меняется быстро и без всякого предупреждения. Им пришлось бросить недоеденный сухой паёк и в спешке собрать всё, что собирались унести с собой. На ягоды годжи они положили побольше листьев, чтобы защитить от дождевых капель и не испортить внешний вид. Собранные черенки связали в пучки, каждый нёс по одной.

Как говорится, в гору идти легко, а вот спускаться куда труднее. Дорога, что казалась крутой на подъёме, на спуске превращалась в настоящее испытание. Юй Шанчжи и Вэнь Ецай спешили как могли, но вместе с тем старались идти осторожно, чтобы не оступиться на крутом спуске. Однако на этот раз они зашли слишком далеко, и чтобы благополучно добраться до подножия, им предстояло идти почти целый час. А едва они преодолели только треть пути, как с небес донёсся далёкий раскат грома.

Вэнь Ецай резко схватил Юй Шанчжи за руку:

— Нам ни за что не обогнать этот дождь. По-хорошему, нужно найти укрытие и переждать, а как дождь утихнет, тогда и двинемся дальше.

Летние грозы приходят стремительно, но и уходят обычно быстро. Юй Шанчжи согласился с предложением супруга и тут же спросил:

— А есть ли в этих горах какое-нибудь место, где можно укрыться от дождя?

Вэнь Ецай кивнул:

— Есть тут одна хижина, её когда-то построил какой-то охотник, но ещё до того, как мой отец её нашёл, она уже много лет стояла заброшенной. Потом отец её немного подлатал, и с тех пор, если приходилось ночевать в горах, останавливался там. Я и сам там бывал пару раз.

Юй Шанчжи впервые услышал, что в горах есть такое место, и, разумеется, понял, что в сложившейся ситуации укрыться там от ливня будет самым разумным решением.

Вэнь Ецай сориентировался по местности, уверенно повернул назад и повёл Юй Шанчжи по знакомой тропе. Сначала Даван и Эрван заметно растерялись, они не понимали, почему

хозяева вдруг пошли в обратную сторону. Но когда Вэнь Ецай свернул по старым отметкам, оставленным им когда-то на деревьях, направляясь к охотничьей хижине, обе собаки, будто вспомнив дорогу, радостно рванули вперёд, уверенно побежав по нужному пути.

Хижина располагалась на середине склона, и вокруг неё была выложена прочная ограда из дикого камня, доходившая почти до человеческого роста. Юй Шанчжи, подойдя ближе, отметил про себя, что построена она на совесть и, судя по высоте и крепости, была предназначена для того, чтобы отгонять диких зверей, бродящих по лесу.

Даван с Эрваном первыми вбежали во двор и бегло осмотрели территорию, словно проверяя, не проник ли туда кто за время их отсутствия. Юй Шанчжи и Вэнь Ецай шагнули следом. Во дворе перед хижинной виднелся участок земли, когда-то распаханый под грядки, но теперь, по всей видимости, давно заброшенный. Он зарос высоким бурьяном, напоминая о том, как легко природа возвращает своё.

Рядом с грядками в землю были вбиты несколько толстых деревянных кольев, к которым была привязана короткая верёвка из пеньки, а чуть в стороне виднелись несколько простых деревянных каркасов.

Вэнь Ецай, уловив взгляд Юй Шанчжи, пояснил:

— Это всё мой отец когда-то обустроил. Он ведь порой ради заработка подолгу жил в горах, по десять дней, а то и по полмесяца, — он указал на колья. — Эти вот использовались, чтобы привязывать диких зверей. Например, поймает козулю или горную козу, те ведь кроткие, податливые, так он их привязывал, пару дней откармливал, а потом уже спускал с горы и продавал. А эти стойки нужны были, чтобы сушить шкурки. Иногда он и овощи вялил на зиму.

Пока небо только собиралось с дождём, Вэнь Ецай, воспользовавшись передышкой, с лёгкой улыбкой делился с Юй Шанчжи воспоминаниями о своём отце Вэнь Юнфу.

— Я ведь тоже сначала с отцом тут охоте учился. Сам тут жил, — он на миг замолчал, — тогда ещё стены такой высокой не было. В тот раз, когда я впервые пришёл сюда с отцом, он как раз вытащил из норы выводок крольчат. Они были совсем крошечные, мяса с них кот заплакал, продать за нормальные деньги не выйдет. А мне они показались такими милыми... Я стал его уговаривать, чтобы он отдал их мне для забавы. Уже тогда в голове прокручивал: четыре крольчонка — мне, а двоих Эрню.

На этих словах в его глазах промелькнула тень, голос стал чуть тише.

— Кто бы мог подумать... Не успел я с ними и полдня наиграться, той же ночью пришёл какой-то зверь, перелез через ограду и всех их перегрыз. С тех пор отец и решил надстроить стену.

Потом Вэнь Ецай вспомнил ещё несколько историй - всё о том, как отец, Вэнь Юнфу, жил с ним в этом домике, как изыскивал способы развлечь сына, используя скудные горные припасы и

нехитрые подручные средства.

Юй Шанчжи слушал молча, с лёгкой улыбкой, а затем вдруг произнёс:

— Выходит, тесть сперва учил тебя охоте вовсе ради забавы, а по случайному наитию оставил тебе ремесло на всю жизнь.

Вэнь Ецай тихо кивнул:

— Верно. Я с детства был диким, не любил сидеть дома, не желал учиться шитью, вышивке, стряпне... Упрямо таскался за отцом в горы. Сначала он не соглашался, но потом... со временем уступил. Хотя сам-то он как охотник лучше всех знал, насколько опасен этот промысел.

Такой отец, нежный и заботливый, будь он жив, ни за что бы не позволил любимому сыну впутаться в такую тяжёлую и рискованную стезю. Но Вэнь Ецай всё же вырос настоящим охотником и даже превзошёл учителя.

Юй Шанчжи поднял голову, над лесом с шорохом прошёлся свежий порыв ветра.

— Поднимается ветер. Пойдём в дом.

В конце концов именно эта простая фраза Юй Шанчжи прервала волну мрачных мыслей Вэнь Ецай. Стоило им зайти в домик и как следует разложить бамбуковые корзины в углу, как снаружи раздался первый частый drobный стук и дождь хлынул густой стеной.

Поскольку это место всё-таки не их дом и не было никакого навеса, Даван и Эрван тоже вошли внутрь и улеглись у порога, настороженно прислушиваясь к звукам за дверью.

Ливень стеной накрыл гору, и одинокий охотничий домик словно стал островом посреди бушующей водной стихии.

— В ближайшее время не получится спуститься, — нахмурившись, проговорил Вэнь Ецай. — Надеюсь, успеет распогодиться хотя бы за час до заката. Иначе идти в темноте дело опасное.

С тех пор как они с Юй Шанчжи поженились, Вэнь Ецай впервые вновь побывал в этом домике. Внутри стояла старая глиняная бочка с водой. Он взглянул внутрь - вода всё ещё была. Сначала он не придавал этому значения, зачерпнул немного, смочил тряпку и начал протирать пыльные стол и табуреты, чтобы присесть и немного отдохнуть. Но протёр всего несколько, как вдруг остановился - в голове вспыхнула тревожная догадка: что-то здесь не так.

Здесь было слишком чисто, будто кто-то совсем недавно здесь жил.

В тот же миг и Юй Шанчжи подметил ту же странность.

— А-Е, подойди-ка, — окликнул он мужа от кровати, стоя у стены. Когда Вэнь Ецай подошёл, Юй Шанчжи протянул руку и вытащил из щели между оконной рамой и стеной сложенный лист бумаги.

На нём был исписан целый абзац тушью. Местами бумага потемнела от влаги, видимо, оставлена она была тем, кто совсем недавно здесь останавливался. Бог весть, как она туда угодила, то ли ветром сдуло, то ли случайно застряла, а человек, писавший её, так и не заметил.

Вэнь Ецай не умел читать, но не выглядел особенно удивлённым:

— Видимо, кто-то из забредших в горы случайно нашел дом и остался тут переночевать.

Домик изначально был без замка, всякий, кто оказался в горах и нуждался в укрытии, мог в нём остановиться. Кроме того, по виду комнаты можно было сказать, что тот, кто здесь останавливался, был человеком опрятным.

Юй Шанчжи всё это время не отрывался от найденного листа. Разглядев, что написано, он с заметным удивлением произнёс:

— Тут недописанный рецепт. Возможно, тот, кто ночевал здесь, был странствующим лекарем.

Таких звали «бродячие врачи» или «ю фан ланчжун», они отличались и от городских врачей, сидящих в приёмных, и от сельских знахарей. Бродячие врачи почти никогда не задерживались надолго в одном месте: с колокольчиком в руках, они пробовали каждую траву на себе, проходили тысячи ли, и среди них случались по-настоящему искусные, скрывающие своё имя мастера.

Когда врач встречает следы другого врача, любопытство просыпается сильнее обычного. Юй Шанчжи раз за разом перечитывал отрывок рецепта, словно надеясь уловить в нём какой-то скрытый смысл, догадку, крупицу знания. Вэнь Ецай, заметив, что тот так увлечён, не стал мешать и занялся уборкой, принялся тщательно вытирать пыль с мебели, столов и скамеек.

Неожиданно, когда он наклонился, чтобы подмести в дальнем углу, его внимание привлёк таз. В нём осталась горстка обугленных, чёрных, как уголь, ошметков бумаги.

— Муж, глянь-ка, — позвал Вэнь Ецай, показывая Юй Шанчжи свою находку. — Мне кажется, это тот самый странствующий лекарь сжёг всё, что написал, а вот этот лист, похоже, случайно уцелел.

Для чего врачу жечь тщательно составленный рецепт? Даже если в нём и была ошибка, проще

ведь сохранить его, чтобы потом поправить. Сжигать слишком уж радикально.

Юй Шанчжи снова взглянул на бумагу, которую держал в руках. Интуиция подсказывала, что перед ним не простой рецепт, а средство от какой-то особенно тяжёлой, трудно поддающейся лечению хвори.

Прошло ещё немного времени. Он вдруг осознал, как глупо сидеть и таращиться на обрывок бумаги, будто в нём ответ на все тайны мира. Сложив лист аккуратным квадратом, он убрал его и подошёл к Вэнь Ецаю. Вместе они выбрали место, где можно было присесть.

В комнате стояла глиняная печка, на ней можно было вскипятить воду или что-нибудь приготовить, но запасов ни еды, ни воды почти не осталось, и потому затевать готовку не стали.

Неизвестно, сколько времени прошло, но внезапно за окном потемнело так, будто наступила ночь. Чёрные тучи скрыли небеса, не оставив ни малейшего намёка на точный час. Вэнь Ецай достал небольшой глиняный сосуд с маслом, подлил в лампу и зажгёт её. В комнате, наконец, вспыхнуло тусклое, но тёплое пламя, разгоняя сгущающуюся темноту.

Ливень и не думал утихать, между его плотными стенами то и дело вспыхивали молнии и гремел глухой гром. Чем дольше длилась непогода, тем мрачнее становились лица Юй Шанчжи и Вэнь Ецай. Волей-неволей приходилось задуматься о том, что, возможно, ночевать придётся прямо здесь.

— При такой грозе... — Вэнь Ецай с досадой почесал затылок. — Эрню и Санья, должно быть, напуганы. Эх, знал бы, оставил бы Эрвана дома.

Пёс, услышав своё имя, тут же подошёл и ткнулся холодным носом в ладонь хозяина. Юй Шанчжи наклонился и тоже ласково потрепал Эрвана за холку. Тот довольно замахал хвостом и лёг у их ног.

В какой-то момент Юй Шанчжи осторожно приоткрыл дверь, чтобы взглянуть на улицу, но едва отворил её на палец, как в лицо хлынула холодная водяная стена. Он поспешно захлопнул дверь и, отыскав в углу старую тряпку, засунул её в щель, чтобы дождь не просочился внутрь.

— Переночевать здесь можно, не страшно, — спокойно сказал он. — Мы с тобой, да ещё с двумя псами, никакая живность не подберётся. Вот только беда, что нет способа дать весточку домой.

В прежней жизни Юй Шанчжи нередко оставался ночевать в горах во время сбора лекарственных трав, потому нынешняя ситуация вовсе не казалась ему страшной: над головой есть крыша, в доме можно развести огонь - это гораздо лучше, чем ночёвка под открытым небом. Но мысли всё равно не давали покоя: Эрню и Санья, а также тётушка Цуйфэнь с семьёй наверняка уже волнуются.

Вэнь Ецай подошёл и осмотрел рукав одежды Юй Шанчжи, на который попала вода, аккуратно снял мокрую часть и повесил сушиться в углу.

— Раньше тоже бывали такие случаи, — сказал он, — дома знали: если пошёл сильный дождь, я точно не стану рисковать и спускаться, весь вечер с замиранием сердца ждали, а наутро я возвращался.

Он не стал упоминать, что старая травма колена случилась как раз из-за одного такого дождливого дня. Тогда он тоже спешил вниз, переживая за младших брата и сестру, решил на скорую руку сбежать с горы по раскисшей дороге, оступился и угодил прямо в овраг. К несчастью, в том овраге прятался дикий кабан. Всё обернулось падением, травмой и долгим восстановлением, что задержало его работу и обернулось недополученным заработком.

С тех пор, если в горах заставал ливень, Вэнь Ецай предпочитал переждать и заночевать в укрытии, чем идти на поводу у беспокойства и подвергать себя опасности. Ведь тогда, в прошлый раз, он отделался только травмой колена и то можно сказать, что судьба сжалилась. А если бы с ним действительно случилось что-то непоправимое, Эрню и Санья попросту не смогли бы дальше жить, им не на что было бы ни поесть, ни одеться.

Юй Шанчжи прекрасно понимал: Эрню и Санья уже не малыши, даже при всём волнении ливень не такое уж бедствие, тем более если они остаются в деревне. Да и соседи вряд ли бросят, всегда подстрахуют, помогут.

— Тогда давай уж переночуем здесь, — предложил он. — Как только рассветёт и дождь прекратится, сразу и спустимся.

Что до еды, сухих припасов и воды, что они взяли с собой, пока ещё хватало. Перекусить можно, но вот с собаками беда: Давану и Эрвану придётся посидеть на голодном пайке. Запасов на всех не хватит, разве что по кусочку, да и то впроголодь.

— В самом крайнем случае, ешьте годжи. Полезно, да и вкусно! — пошутил Вэнь Ецай, стараясь не падать духом. Он кинул пару ягод своим охотничьим псам. Эрван, тот ещё обжора, увидев лакомство, тут же разинул пасть, позволяя своему хозяину щедро его угостить.

Даван был куда сдержаннее: сначала понюхал ягоды, потом поднял голову и посмотрел на Вэнь Ецай, будто спрашивал разрешения. Повременив немного, он всё же неторопливо съел угощение.

Когда за окном наконец стало слышно, что дождь поутих, они приоткрыли дверь и выглянули наружу. Оказалось, что дождь хоть и действительно ослаб, но день уже полностью перешёл в ночь.

— Похоже, судьба решила, чтобы мы с тобой сегодня ночевали в горах, — с лёгкой усмешкой заметил Юй Шанчжи, закрывая дверь обратно. Его взгляд невольно упал на двор: из-за

сильного ливня один из вкопанных в землю деревянных столбов покосился, а сорняки на заброшенной грядке лежали прижатыми к земле, избитыми потоками воды. Что до самой земли, стоило ступить, и ногу, пожалуй, сразу же засосало бы в грязь так, что и не вытащишь.

Примирившись с реальностью, они принялись осматривать домик в поисках подходящего места для ночлега. Была здесь и лежанка-кан, но покрывало на ней было старое и потрёпанное: накрываться им вряд ли возможно, разве что подстелить под себя, чтобы не спать прямо на голых досках. Хорошо, что сейчас лето, и даже с закрытыми окнами и дверью в доме стояла такая духота, что вполне можно было спать, не раздеваясь.

Глиняная печь была растоплена, и в бурдюке оставалось немного воды. Они вдвоем съели подогретый маньтоу, запивая горячей водой, а затем разломали последнюю булочку пополам и отдали ее Давану и Эрвану.

Домик был крошечный, тесный до крайности, двоим взрослым стоять рядом уже неудобно, не говоря уж о том, чтобы как-то свободно двигаться. Поужинав, Вэнь Ецай улёгся на кровать и, уставившись в потолок, предался своим мыслям, тогда как Юй Шанчжи вновь развернул ту самую бумагу и, погружённый в чтение, весь как будто ушёл в себя.

Вэнь Ецай заметил, как тот пальцем вычерчивает что-то на столешнице, и в какой-то момент словно вдруг понял нечто важное - на его лице промелькнуло выражение неожиданного озарения. Тогда Вэнь Ецай и осознал, что наблюдать за своим красивым, сосредоточенным мужем куда интереснее, чем пялиться в потолок. Он без колебаний перевернулся на бок и начал открыто разглядывать его. А Юй Шанчжи, полностью погружённый в размышления над рецептом, сначала даже не заметил пристального взгляда.

Он всегда носил с собой угольный карандаш, обёрнутый в промасленную бумагу, чтобы не запачкать одежду. Кроме того, у него был небольшой блокнот, сделанный из нарезанной в нужный размер бумаги из коры тутового дерева, аккуратно сшитой нитками.

В прошлой жизни, несмотря на повсеместное распространение электронных устройств, Юй Шанчжи всё равно не привык пользоваться заметками в телефоне, он куда больше любил носить с собой ежедневник и авторучку. Попав сюда, лишившись прежнего удобства, он сам смастерил себе небольшой блокнот и заготовил несколько тонких угольных палочек вместо карандаша.

Достав одну из них, он срезал верхушку маленьким ножом, заострил её и, обдумав всё как следует, начал писать. Если его догадки насчёт симптомов, на которые рассчитан тот рецепт, окажутся верными, то у него есть совершенно иная, гораздо более подходящая идея, чем та, что была изложена в неоконченном рецепте.

Кончик уголька мягко скользил по бумаге, оставляя уверенные чёткие линии. Юй Шанчжи совсем не обращал внимания на то, что пальцы быстро стали чёрными от пигмента. Блокнот из бумаги тутового дерева был совсем небольшим, и ему пришлось исписать несколько страниц, прежде чем мысли полностью оформились. Закончив, он с облегчением выдохнул,

почувствовав, как внутреннее напряжение постепенно уходит.

Лишь после этого он осознал, что уже долго не слышит голоса Вэнь Ецая. Опустив уголь и отложив блокнот в сторону, Юй Шанчжи поднял глаза и посмотрел в сторону кровати и только тогда заметил, что его супруг уже устроился на подушке, подложив под голову согнутую руку, и тихо спал.

«Если так спать всю ночь, утром рука онемеет», — подумал Юй Шанчжи. Он аккуратно собрал со стола бумагу и карандаш, подошёл к бочке с водой, вымыл чёрные от угля пальцы, после чего неслышно подошёл к постели.

Осторожно приобняв Вэнь Ецая, он аккуратно вынул у него из-под головы руку и уложил его в более удобное, ровное положение. Однако, несмотря на всю бережность, в таком месте, где не до настоящего отдыха, человек спит чутко. Вэнь Ецай сразу проснулся.

— Закончил?

Он сонно протёр глаза и немного подвинулся к стенке, освобождая мужу место.

Юй Шанчжи сперва задул лампу. В доме тут же стало кромешно темно, и без того непроглядную ночь, из-за пасмурного неба, не разбавлял даже отблеск луны. На скромной жесткой постели два человека устроились бок о бок, и даже духота не смогла отдалить их друг от друга.

У двери в тишине лежали Даван и Эрван, словно чуткие стражи.

— Просто рецепт показался любопытным, — тихо сказал Юй Шанчжи. — Заодно и время скоротал.

Юй Шанчжи негромко произнёс это в темноте, затем протянул руку и коснулся колена Вэнь Ецая.

— С таким-то сильным дождем как сегодня, твоя старая травма, должно быть, снова даст о себе знать. Дай я помассирую немного, а дома потом прогреем полынью.

— Не болит, просто ноет чуть-чуть. Ты лучше сам ложись спать.

Вэнь Ецай, проснувшийся ненадолго посреди ночи, говорил сонным, носовым голосом, словно в любую секунду мог вновь провалиться в дрему.

Юй Шанчжи подался к нему ближе, кончиками губ едва-едва коснулся его носа.

— А я не хочу спать.

В хижине было душно, а из-за проливного дождя из щелей между досками ползла влажная, затхлая сырость. Вэнь Ецай бессознательно потянулся ближе к Юй Шанчжи, от которого, как всегда, исходил тонкий, глубокий аромат лекарственных трав. Постепенно тупая ноющая тяжесть в колене сменилась лёгким жаром - верный признак того, что кровообращение восстановилось.

Убедившись, что человек в его объятиях вновь крепко уснул, Юй Шанчжи медленно остановил движения рук. Дождь снова зашелестел за окном, и они вот так, под звуки горного ливня и ветра, погрузились в сон.

На следующее утро, едва проснувшись, Юй Шанчжи распахнул дверь хижины. Свежий, напоенный запахом сырой земли ветерок мигом вытеснил вчерашние нескончаемые потоки дождя и ласковым теплом коснулся лица.

— Тучи разошлись. Сегодня точно будет ясный день, — с улыбкой сказал он.

На лице Вэнь Ецай тоже заиграла радость, он нетерпеливо потянулся всем телом. Проведя ночь в этой хижине, проснувшись, он чувствовал, будто сам начал покрываться плесенью.

Даван и Эрван тут же выскочили наружу и, визжа от восторга, кинулись носиться по раскисшей от дождя земле, видно было, что и их ночь в заточении здорово утомила.

Перекусив горстью ягод годжи, они решили, что откладывать спуск не стоит. Даже несмотря на то, что тропа, пропитавшись влагой, превратилась в вязкую кашу, где каждый шаг оставлял глубокий след, им всё равно нужно было стиснув зубы идти вниз.

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай, неся за спиной корзины, к обеду уже были покрыты испариной с головы до ног. Даван и Эрван, в отличие от своих хозяев, вовсе не боялись поскользнуться. На их лапах и боках налипло изрядно грязи, и теперь им точно не избежать хорошей помывки по возвращении домой.

После дождя в горах повсюду начали пробиваться грибы, но у двоих путников не было ни сил, ни желания на полноценный сбор, набрали лишь понемногу, ровно столько, сколько хватит на пару-тройку трапез.

Когда они, наконец, добрались до подножия горы, уже начали встречаться сельчане — те, кто с рассвета вышел с корзинами на грибную охоту. Тетя Лю с невесткой-гером и младшей дочерью шли по тропинке вперёд, о чём-то весело переговариваясь, но, завидев взъерошенных и вымокших Юй Шанчжи и Вэнь Ецай, резко остановились.

Лишь спустя пару мгновений, осознав, что перед ними знакомые, тетя Лю нахмурилась с явной

тревогой:

— Юй-ланчжун, Цай-гер, вы что, неужто в горах ночевали?

Юй Шанчжи с горькой улыбкой кивнул:

— Так и есть. Кто ж знал, что такой ливень нагрянет, спуститься совсем невозможно было.

Тетя Лю с силой хлопнула себя по груди:

— Да кто ж о осмелится в горах просто так ночевать... Хорошо хоть, что живы-здоровы да целы спустились, это точно небесам спасибо. Ступайте скорее домой головы помыть, ноги в горячей воде распарить.

На прощание Вэнь Ецай будто бы что-то вспомнил и, указав на одну из троп, сказал:

— Тётушка, идите лучше той дорогой. Мы, спускаясь, видели там уйму грибов.

- Хорошо-хорошо, тогда мы и правда туда пойдём, — с радостью ответила тетя Лю, довольная подсказкой Вэнь Ецай. Благодаря этому совету они могли обойтись без лишней беготни по склонам.

Когда до дома оставалось уже совсем немного, Даван и Эрван словно две стрелы, сорвавшиеся с тетивы, рванули вперёд. Даван первым домчался до ворот, поднялся на задние лапы и начал стучать в дверь передними, будто внезапно обретя в горах просветление.

За дверью тут же раздался торопливый топот, ворота со скрипом распахнулись, и в тот же миг двое младших домочадцев с разбегу влетели в объятия Юй Шанчжи и Вэнь Ецай.

У Вэнь-эрню впервые в голосе дрожали готовые прорваться слёзы:

— Ну почему вы не вернулись на ночь? Мы с Санья чуть со страха не умерли!

— Дождь слишком сильный пошёл, — объяснил Вэнь Ецай, — мы сперва подумали, что скоро утихнет, а оно вон как затянулось до самой ночи...

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай стали утешать каждого по отдельности, и лишь после долгих слов и крепких объятий вся семья наконец вошла в дом.

Ночь, проведённая в горах, не только не дала им толком отдохнуть, к тому же они изрядно проголодались. С пустыми животами они юркнули в кухню и с облегчением увидели, что в

котле подогреваются кукурузные лепёшки и стоит тарелка жареной зелени, а ниже на полке полгоршка каши.

Стоило только проглотить кусок горячей пищи, как Вэнь Ецай с удовлетворением вздохнул:

— Первый раз в жизни кукурузные лепёшки показались мне такими вкусными.

Юй Шанчжи рядом аккуратно расколол солёное утиное яйцо и ту половинку, где было больше желтка, положил Вэнь Ецаю. Вэнь Ецай, недолго думая, разделил желток пополам и половину переложил в чашку Юй Шанчжи.

После того как еда была разложена по чашкам, в пустой котёл налили воды, чтобы подогреть её для умывания. Их одежда после ночи в лесу смялась и промокла до нитки, выглядела не лучше вяленой редьки из бочки с соленьями. Даже сам Вэнь Ецай заметил, как Юй Шанчжи с лёгким отвращением на неё покосился.

Так что, наевшись, оба поспешили в комнату греть воду и привести себя в порядок. На дворе был день, и у них, разумеется, не возникло никаких недосказанных намерений по поводу совместного купания. Они не стеснясь, по очереди вымылись начисто, после чего наклонились над деревянными тазами, чтобы вымыть голову.

А вот за перепачканными грязью Давана и Эрвана не пришлось беспокоиться вовсе, те уже давно сами сбегали к деревенской речке и с удовольствием поплавали, отмывшись как следует.

Когда Юй Шанчжи переоделся в чистую одежду, то почувствовал, будто воскрес. Он полотенцем отжал волосы до тех пор, пока с них не перестало капать, и, обернувшись, увидел, как Вэнь Ецай мучается с запутавшейся прядью. Гер тянул за волосы с таким рвением, что вот-вот мог выдрать полголовы, и Юй Шанчжи поспешил подойти и забрать у него гребень:

— Потихоньку распутаешь и всё пройдёт. А ты сейчас как дёрнешь, так и останешься с клоком в руке, тебе не жалко, что ли?

Вэнь Ецай пожал плечами, безразлично отозвавшись:

— Да у меня и так волос много.

Юй Шанчжи, впрочем, уже и сам заметил: у здешних людей волосы действительно были густыми и крепкими. Разумеется, встречались природные различия в объёме и структуре, но в целом никто особенно не страдал от выпадения волос. Совсем не то, что в его прошлой жизни, там нередко молодые люди с мрачными лицами приходили на приём и жаловались на бессонницу, угри и облысение.

Причиной, по которой волосы Вэнь Ецай так сильно спутались, оказалась мелкая колючая

ягода, распространённая в здешних горах. Юй Шанчжи аккуратно расчёсывал волосы, стараясь распутать те пряди, что оказались задемы по соседству, но те, что крепко сцепились с ягодой, пришлось с сожалением срезать.

Длинные влажные волосы липли к шее, и в такую жаркую погоду это было особенно неприятно. Они не стали задерживаться в душном, пропитанном паром помещении: вылили использованную воду и вышли во двор, где сели под солнцем, чтобы просушить волосы, попутно перебирая собранные ягоды и лекарственные травы.

Прошло совсем немного времени, как за воротами послышался лай. Юй Шанчжи и Вэнь Ецай одновременно подняли головы и увидели, как возвращается Кон Майя, неся на спине корзину с кормом для вола. Следом за ней шли мокрые после купания Даван и Эрван.

Очевидно, Кон Майя не знала, что они уже спустились с гор, и, увидев их, радостно воскликнула:

— Шифу! Шиму! Вы вернулись!

А Даван с Эрваном тем временем бросились в дальний угол двора и начали неистово трясти шерстью, разбрасывая вокруг себя капли воды.

Срезанную траву для вола Кон Майя высыпала прямо на землю — каждый раз, приходя сюда, она заодно помогала и с сеном. Юй Шанчжи уже не раз пытался её отговорить, но уговоры не подействовали, и он махнул рукой, позволив ей делать, как хочется.

Теперь, когда оба старших брата вернулись, Вэнь-эрню наконец перестала терзаться волнением. Сложив сено в заднем дворе, она повела вола и уток к пруду на водопой. Вэнь-санъя тоже вышел из дома и прилип к своему старшему брату, не отходя от него ни на шаг. Вэнь Ецай не сопротивлялся и занялся с ним разбором собранных ягод годжи. Когда работа была выполнена наполовину, у ворот показалась Су Цуйфэнь с Фу-гером.

Их позвали в дом, и о том, что произошло в горах, пришлось рассказывать уже в третий раз. Однако супруги, будто по предварительной договорённости, умолчали о встрече с медведицей и её детёнышем. Такой смелый поступок наверняка вызвал бы тревогу у близких, и они решили лучше промолчать, оставив эту историю своей маленькой тайной.

Фу-гер никогда прежде не бывал в глубокой чаще, и, услышав, как Вэнь Ецай описывает ту горную бурю, он с удивлением распахнул глаза.

Су Цуйфэнь, как и большинство пожилых женщин в деревне, по привычке сложила ладони и благоговейно пробормотала:

— Хорошо, что всё обошлось, хорошо... Та вчерашняя буря — ой, какая же сильная была! У

некоторых в деревне даже глинобитные стены рухнули.

После этого она добавила:

— А насчёт ваших полей не переживайте. Утром ваш дядя Пэн проходил мимо и видел, как Дашу с женой помогли спустить воду с рисовых чеков.

Но, судя по всему, пришла она не только с этой новостью, теперь её взгляд обратился к Юй Шанчжи.

— Вчера вечером, как дождь хлынул, в деревню зашёл какой-то старик, попросился переночевать. С самого начала обошёл несколько домов, начал с семьи Юй, сказал, что он странствующий лекарь. Сам понимаешь, у нас в деревне чужаков просто так не пускают. Юй и пошёл звать старосту. Тот, посоветовавшись с остальными, передал, что если у тебя, Юй-ланчжун, будет свободное время, зайди-ка к ним посидеть, а вечером заодно и поужинаете вместе.

Упоминание странствующего лекаря заставило Юй Шанчжи и Вэнь Ецая переглянуться, им сразу вспомнился тот самый недописанный рецепт, найденный вчера в горной хижине.

Юй Шанчжи был по-настоящему заинтригован той страницей с рецептом, поэтому недолго думая кивнул:

— Тётушка, не волнуйтесь. Как только улажу дела по дому, сразу загляну.

Су Цуйфэнь, выполнив свою миссию, позвала Фу-гера, который всё это время гладил псов по голове, и собралась уходить. Вэнь Ецай тем временем схватил охапку ягод годжи и немного грибов, чтобы вручить им в дорогу. Та, как всегда, отнекивалась, но он не стал уговаривать и просто закинул всё прямо в руки Фу-геру.

Фу-гер и понять-то ничего не успел, как в следующий миг оказался с кучей еды.

Су Цуйфэнь снова принялась отчитывать:

— Да в доме и так полно всего! Вам самим есть надо, оставьте себе!

Но тут в разговор вмешался Юй Шанчжи, который, казалось, давно приготовил ответ:

— Тётушка, оставьте себе. Первая партия свежих ягод годжи — редкость, пусть невестка попробует, заодно и силы подправит. А грибы мы с А-Е просто по пути сорвали, ничего ценного.

Ведь теперь Пань-ши стала в семье Сюй важнейшей фигурой: всё внимание сосредоточено на ней, все только и ждут, чтобы она благополучно родила первенца Сюй Линя. Су Цуйфэнь же не гналась за мальчиком, девочка, гер или мальчик, всё равно хорошо. Главное, чтобы и мать, и дитя были живы и здоровы.

Раньше Су Цуйфэнь уже видела, как после рождения болезненного Вэнь-санья Цяо Мэй стала постепенно чахнуть. А недавно в семье Хань случилась беда с тем самым Го-гером, что ещё сильнее усилило её тревогу. Единственное, что успокаивало, так это то, что Юй Шанчжи жил по соседству: если вдруг что-то случится, он сможет сразу прийти на помощь.

Услышав такое объяснение, Су Цуйфэнь на миг замерла, а потом всё же вздохнула, протянула руку и взяла пригоршню ягод:

— Этого будет достаточно. Раз уж Юй-ланчжун говорил, что с невесткой всё в порядке, то и чрезмерные подкормки будут только во вред.

Фу-гер был застенчивым и молчаливым: что мать скажет, так и будет. Однако Вэнь Ецай всё равно отдельно насыпал ему ещё пригоршню ягод и с улыбкой наставительно проговорил:

— Ты тоже ешь побольше годжи. Для здоровья полезно.

Фу-гер тут же покраснел и тихо кивнул.

Ягоды годжи были очень нежные, и когда ближе к вечеру вернулась Вэнь-эрню, вся семья в полном составе взялась за дело: достали все имеющиеся в доме решета, разложили ягоды сплошным красным слоем, выставив сушиться на солнце. Остальные травы пока разложили на бамбуковой циновке прямо на земле. Солнце в зените ярко палило, быстро испаряя остатки влаги из почвы и полей.

На обед приготовили лапшу с супом из грибов. Эти грибы, появившиеся сразу после дождя, обладали особым, ни с чем не сравнимым ароматом. Вся семья наелась до отвала, а потом ещё пришлось принять по паре пилюль из ягод боярышника, что заранее приготовил Юй Шанчжи, чтобы облегчить тяжесть в животе.

После еды Юй Шанчжи вместе с Вэнь Ецаем отправился в поле, а по пути заглянули к Ху Дашу и Бай Пину, передав им немного свежих ягод годжи и грибов. Дома же Вэнь Ецай не выдержал сильного желания поделиться и, утаив это от Ху Дашу, всё-таки рассказал Бай Пину историю о том, как они с Юй Шанчжи помогали раненой медведице.

Маленький Сяо Дие-гер, хоть и не понимал рассказа, словно зачарованный интонацией Вэнь Ецай, лежал в объятиях Бай Пина, широко раскрыв похожие на виноградинки глаза, глядя прямо перед собой. Розовые губки чуть приоткрылись, словно и он заслушался.

Бай Пин был так напуган рассказом, что сердце у него колотилось в груди.

— Да вы смельчаки настоящие, — воскликнул он. — Это же медведь, в конце концов!

А Вэнь Ецай, будто и не слыша, всё ещё размахивал руками, показывая:

— Ты бы видел этого медвежонка! Вот такого роста он был! Если бы не боялся, что медведица запомнит мой запах и потом набросится, когда мы снова встретимся в горах, я бы обязательно погладил его.

Бай Пин смотрел на него, не зная, то ли смеяться, то ли плакать.

— И кто бы мог подумать, что даже Юй-ланчжун поддался твоим безрассудствам...

На лице Вэнь Ецай появилась лёгкая, застенчивая улыбка, никак не вяжущаяся с его обычно открытым и лихим нравом. Каждый раз, когда он говорил о Юй Шанчжи, в его взгляде появлялась неуловимая мягкость.

— Я и сам удивился, что он согласился. Да ещё и идею мне подкинул.

Затем, будто вспомнив что-то, он добавил:

— То пчелиное гнездо я, кстати, помню, где нашёл. Если ты любишь мёд, в другой раз схожу и срежу тебе немного.

Дикий мёд — вещь стоящая, слаще любого сахара. Однако Бай Пин только покачал головой:

— Ты уж лучше не нарывайся снова на укусы, есть мёд или не есть, не так уж важно.

А вот Вэнь Ецай втайне всё же прикинул, что в следующий раз, когда они пойдут в горы, стоит заглянуть к тому улью. Он ведь помнил, как Юй Шанчжи упоминал: в мёде много полезного, и даже если Ху Дашу и Бай Пин сами не станут его есть, то для маленького Ху Дие-гера в качестве добавки будет только на пользу.

Ближе к концу беседы Бай Пин, как водится, передал Вэнь Ецаю подержать малыша Ху Дие. Малыш, гулко агукая, тянул ручонки к Вэнь Ецаю, хватал его за волосы, пачкал слюной его ворот. Вэнь Ецай только веселился, подбрасывая малыша вверх и снова ловя на руки, отчего тот заливался залившимся смехом.

А в это время в переднем дворе Ху Дашу рассказывал Юй Шанчжи о своих недавних планах: собирается вместе с Ху Дашанем на время податься в артель и помогать людям строить дома.

— До осенней жатвы ещё время есть, — говорил он, — прикинул, что можно успеть взяться за пару подработок. После того как ты, Юй-ланчжун, нам об этом сказал, мы с братьями сели, всё обсудили. Кажется, идея дельная. Каждый немного скидывается на инструмент, а заработок потом делим по справедливости.

Он немного смутился, почесал в затылке и с улыбкой добавил:

— Всё-таки хочется накопить побольше, чтобы потом можно было и землю свою купить, и дом. Вечно же здесь сидеть не будешь.

Сейчас они всё ещё живут в съёмном доме, и как ни крути, это оставляет ощущение временности, будто в любой момент придётся съезжать.

Юй Шанчжи подбодрил Ху Дашу парой тёплых слов, а когда из дома вышли оба гера, они вместе обернулись на шум.

Увидев, как Вэнь Ецай ловко и бережно управляет с ребёнком, Ху Дашу не сдержался:

— Цай-гер, ты и правда любишь детей, да и обращаться с ними умеешь.

Так оно и было: хоть Вэнь Ецай с виду и казался немного неотёсанным, на деле он был настоящим мастером в уходе за малышняй. В конце концов, когда умерли Вэнь Юнфу с Цяо Мэй, Эрню и Санья ещё были совсем маленькими. Пришлось ему самому с тех пор тянуть на себе всё хозяйство и заботу о младших.

Юй Шанчжи, глядя на эту тёплую семейную картину, невольно вспомнил о той самой амбициозной мечте Вэнь Ецай «родить троих». И невольно, с нежной улыбкой, пробормотал:

— Если однажды у нас тоже будет свой малыш, пусть он будет похож на А-Е. Это было бы лучше всего.

Смелый, свободный, неустрашимый.

Потом они вдвоём зашли в поле осмотреть участок после дождя. К счастью, благодаря помощи соседей, серьёзных повреждений нигде не оказалось. Если перед осенним сбором урожая рис затопит или у корней смочит почву, то всё пропадёт, никакими силами уже не спасти.

После осмотра прежнего участка в три му, они направились на новый, тот самый, что был получен позднее и насчитывал десять му. Этот участок не граничил напрямую с чужими полями: между ними росли деревья, образуя естественную границу. Не так давно посадка рассады риса здесь уже была завершена, а кроме того, были вырыты пруды и каналы для разведения рисовой рыбы. С потеплением рисовая рыба начнёт размножаться - сейчас во многих деревенских рисовых чеках уже шныряют мальки. Они заранее договорились с

соседями, что могут ловить мальков мелкой сеткой и покупать себе. Поскольку рыба ещё мала, а размером все мальки примерно одинаковы, то решили считать условно: десять штук за пять вэней.

В последнее время они уже постепенно выловили немного мальков и выпустили их в чеки. Поэтому сегодня оба пришли в основном для того, чтобы проверить, не размыло ли где края рисовых полей после дождя и не уплыли ли мальки. К счастью, всё оказалось в порядке. Эта рыба сама по себе находит в воде, чем питаться, растёт на воле и не требует особого ухода.

Что до посевов на сухой земле, бобов, кукурузы и прочих овощей, то за ними нужно ухаживать по сезону, как заведено. На участке, оставленном под лекарственные травы, уже пробилась сорняки, и они сгребли их тяпкой, попутно прикидывая, как будет выглядеть грядка, когда они посадят туда годжи.

Под вечер Юй Шанчжи взял из дома одну вяленую бамбуковую куропатку и отправился с визитом в дом Сюй Байфу. Едва он подошёл к воротам, как его окутал соблазнительный аромат ужина. Увидев, что он пришёл, Сюй Байфу с воодушевлением пригласил войти.

Увидев, как сидящий у стола седовласый старец обернулся, Юй Шанчжи сразу понял: должно быть, тот уже пригубил вина: лицо его разрумянилось, взгляд стал мягче, в целом он производил впечатление добродушного и приветливого человека.

— Мальчик Юй, заходи, садись! — махнул ему рукой Сюй Байфу. — Это твой старший товарищ, фамилия Тао. Старший брат Тао, это вот наш деревенский лекарь, отменный молодой человек, фамилия Юй. Зови его просто мальчик Юй.

По всему было видно, что Сюй Байфу и старик уже давно разговорились и сидели в полной гармонии. Юй Шанчжи подошёл с приготовленной вяленой куропаткой и почтительно поклонился:

— Позвольте представиться, меня зовут Юй Шанчжи, кланяюсь старшему наставнику Тао.

<http://bllate.org/book/13600/1205974>